

Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ:

## «В ЛЮБОЙ СЦЕНЕ ВАЖНО ЛЮБИТЬ»

Елена  
КАРАКОЛЕВА

Ольбрыхский тридцатилетней давности, еще не умеющий почти ничего, разве что быть самим собой, покорявший женские сердца природным обаянием и взрывчатым темпераментом, вырос в звезду не только польского, но и мирового кино. Фильмы с участием Даниэля Ольбрыхского давно стали классикой: «Пепел», «Пейзаж после битвы», «Все на продажу», «Пан Володыевский», «Жестяной барабан», «Одни и другие», «Транс-Атлантик»... А еще Даниэль дружит полжизни с Никитой Михалковым. Но за все эти годы им не удавалось поработать вместе. Мечта наконец осуществилась: знаменитый польский актер сыграл в «Сибирском цирюльнике» роль старого русского барина с польскими корнями.

— Даниэль, и сколько же вам пришлось ждать приглашения от Михалкова?

— Как раз тридцать лет, с того момента, как познакомился с ним на Московском кинофестивале. Нам было по 26. Мы были молоды, много дурачились, пили водку, бегали по девчонкам, мерились силой и мечтали о будущем. Никита показал мне свой дипломный фильм «Спокойный день в конце войны», и я сразу понял, что он станет одним из лучших режиссеров мира. Я рад, что не ошибся.

— Вам не обидно, что Никита не нашел для вас ничего лучше, чем роль старика с сомнительной репутацией?

— Да он просто завидует, что шикарным девушкам в России я нравлюсь больше, чем он! Он очень постарался, чтобы меня на экране невозможно было узнать. Когда меня гримировали, Никита пристально следил за тем, как меня «старят». И постоянно приговаривал: «Нет, нет, он слишком красивый, добавьте ему морщин и седины в бороду...» (Смеется.)

— Скажите честно, и в молодости Никита вам тоже завидовал по-мужски?

— Да нет, конечно. На самом деле никто из нас никому не завидует. Ни в жизни, ни в профессии. Разве только я сам себе теперь завидую, что наконец в фильме у Михалкова.

— Вы щедрый? Помню, на его пятидесятилетие вы сделали царский подарок...

— Я отношусь к Никите, как к своему брату. Мы оба родились в 45-м, в год Победы, и оба — победители в жизни. Брату я мог сделать только царский подарок. Это очень дорогая для меня вещь — индийская шпора XVIII века, старинная, серебряная, получил я ее когда-то от легендарного Спартака — Керка Дугласа. Я снимался в то время в Америке, и он захотел познакомиться с актером, которого видел в «Пепле» Анджее Вайды. У нас с ним одинаковый цвет волос и похожий подбородок с ямочкой. Дуглас сказал: ты мне как сын. И подарил две эти красивые шпоры. Теперь у меня осталась одна — правая, а левая, от сердца, у брата Никиты.

— Где вам больше нравилось работать?

— У меня больше ста картин, я так много снимался по всему миру, что... забыл свои впечатления. Работа везде работа. Конечно, приятно работать с хорошими людьми и профессионалами. Если честно, то сейчас чувствую некоторую усталость, хочется словами Высоцкого сказать: чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... Работая всю жизнь, как сумасшедший, я заработал уже столько, что могу больше ничего не делать и прокормить всю свою большую семью.

— Правда ли, что вы самый высокооплачиваемый польский актер на Западе?

— Правда. Я даже считаю, что мне платят слишком много.

— Вы помните, как потратили свой первый актерский гонорар?

— Я мечтал, когда появятся деньги, купить родителям одежду, а любимой девушке — уголь для отопления дома. Я это сделал. А свою первую машину я смог купить после первых съемок в зарубежном фильме, в Италии. Но скоро, правда, ее пришлось продать, чтобы заплатить компенсацию после развода моей первой жене — певице Марыле Родович.

— Многие кинозвезды, зарабатывая имя и деньги, открывают свой бизнес, даже пытаются заниматься большой политикой. А вы?

— Политика — исключено. Это абсолютно не для меня. Пробовал себя в... качестве театрального продюсера. Один из последних удачных проектов — видеофильм, где я читаю эротические стихи польских поэтов (уверяю вас — не менее острые, чем у Пушкина).

— Вы написали книгу о Высоцком. Почему у нее такое мрачное название «Поминки по Владимиру Высоцкому»?

— Я не был на похоронах Володи — снимался у Клода Лелюша в Париже. Но пообещал Марине Влади, что на 40 дней обязательно прилечу в Москву. А в Польше в то время «гремела» солидарность, несколько обращений которой я подписал. Был с Валенсой, Михнеком, меня даже арестова-

ли, правда, только на 24 часа. Кажется, режим меня уважал. Поэтому Ярузельский разрешал мне работать за рубежом. Вообще наши власти всегда были более демократичными, чем ваши. Но все же министр культуры, к которому я обратился за разрешением поехать в Москву, мне сказал: «Поезжай, конечно, но я знаю теперь, отчего потеряю работу...» И дал мне письмо, где было написано, что Ольбрыхский должен быть срочно в Москве для переговоров о совместных съемках у

Сергея Бондарчука. Так я оказался на поминках Володи в его доме на Грузинской, где он любил собирать своих друзей. Обратившись в аэропорт, меня сопровождал «человек в штатском». Что еще врезалось в память: многотысячная толпа людей на Ваганьково и костер из сломанных гитар...

— Что для вас свобода?

— Милош Форман на этот вопрос ответил так: у зверей всегда есть возможность выбора: зоопарк, где у тебя есть еда и теплая клетка, или джунгли, где опасно, трудно... но ты свободен! Я выбираю последнее.

— Когда вы чувствуете себя абсолютно спокойным?

— Когда я сижу с моим соседом, паном Михалом, и, выпив с ним по рюмочке, наблюдаю за своими внуками.

— Став материально независимым, о чем еще может мечтать человек?

— Деньги для меня ничто. Меня интересуют совсем другие вещи: любовь, дружба, семья. Я счастливый мужчина и счастливый отец. У меня трое детей от разных жен: Виктор — от немецкой актрисы Барбары Зуковой, он живет в Нью-Йорке, Виктория — от Сюзи Ляпицкой, тоже актрисы, с

которой я снимался у Клода Лелюша. Самый близкий мне сын — Рафал, которого мы вместе с Марылей Родович называли в честь моего любимого героя из «Пепла». Он стал поэтом, композитором и актером. И в свои 23 года (как я когда-то) получил премию лучшего актера Польши Збигнева Цыбульского — кумира молодежи 60-х. Мы даже сыграли с Рафалом в фильме «Пан Твардовский» одну роль: он — героя в молодости, а я — в старости.

— Вы, я знаю, работаете без дублеров не только в трюковых сценах, но и в эротических...

— С трюками все просто: если бы я не занимался спортом — верховой ездой, теннисом, велосипедом, наверное, уже давно бы не был на этом свете. А что касается эротических сцен, то в слишком откровенных сниматься стесняюсь... Хотя попадаются очень привлекательные партнерши. К примеру, когда я работал со Шлендромом, после съемок «постельной сцены» режиссер и группа тихонечко, на цыпочках за моей спиной ушли со съемочной площадки, не без умысла оставив нас наедине с партнершей. Мы оба — голые. Актриса мне нравится... А вынужден ей сказать, что

опаздываю на самолет.

Что было истинной правдой! Но самые неприятные и глупые ситуации случаются, когда героиню играет жена или подруга режиссера, она обязательно начинает командовать: не так обнял, ногу положил неправильно... В общем, такая ерунда... В любой сцене важно любить. Любовь — это главный стимул во всем.

— Вы снимаетесь во многих странах, а на скольких языках вы говорите?

— На польском, конечно. На русском, естественно. Еще на английском, французском, итальянском, немецком.

— А где в гостях вы чувствуете себя наиболее комфортно?

— Конечно же, в моей России! Я бывал у вас очень много раз, не помню даже сколько. И перерыв в восемь лет был не по моей вине — просто после 80-х я стал для ваших старых властей персоной нон-грата. Теперь приезжаю снова, чтобы ощутить эту чисто русскую любовь людей ко мне. Даже в Польше я сейчас не чувствую себя так хорошо, как у вас. В России я перестаю ощущать, что стар. А получаю подтверждение, что действительно star! (Смеется.) Ни одна страна не умеет так любить, как Россия. Я вас люблю потому, что вы меня любите. Нет, не так эгоистично: я вас просто люблю, бескорыстно.

